

Н. П. ГОРБУНОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ (Интервью К. О. Россиянова с А. Н. Горбуновым)*

Деятельность Николая Петровича Горбунова (1892–1938) настолько многогранна и важна для понимания истории российской науки в XX в., что бесспорно заслуживает отдельного и подробного рассмотрения. Тем не менее биографии его до сих пор нет. А между тем без Горбунова трудно представить себе как научную политику, так и различные формы организации исследований в нашей стране в 1920–1930-е гг.

Один из активных участников революции, Горбунов уже в августе 1918 г. был назначен председателем Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства (НТО ВСНХ). Занимая с 1920 г. должность управляющего делами Совнаркома, он координировал деятельность многочисленных правительственных комиссий, создававшихся для руководства исследованиями в области науки и техники, а с 1926 г. руководил организованным в том же году отделом научных учреждений Совнаркома СССР. Крайне важную роль Горбунов сыграл и в создании новых научных учреждений, – в том числе и таких крупных, как ВАСХНИЛ, – призванных интегрировать фундаментальные и прикладные исследования. Он также всячески поддерживал идеи различного рода экспедиций, и в том числе проекты комплексного изучения территории Советского Союза и соседних азиатских стран. Особое значение имело здесь сотрудничество правительства с Академией наук, которая еще в начале Первой мировой войны поставила перед собой аналогичную задачу и развернула впоследствии целый ряд предназначенных для ее решения структур: КЕПС (Комиссию по изучению естественных производительных сил России, 1915 г.), КИПС (Комиссию по изучению племенного состава России и сопредельных стран, 1917 г.), ОКИСАР (Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, 1926 г.) и другие. Наконец, со следами деятельности Горбунова неминуемо столкнется любой историк, решивший заняться изучением международных связей советской науки. Ведь именно Горбунов от имени правительства вступал в переговоры с иностранными и советскими учреждениями, в том числе местными, решал немаловажные проблемы с визами, транспортировкой научного багажа и т. д.

Большие ожидания, которые у большевиков связывались с современной наукой и техникой, во многом объяснялись драматизмом и внутренней противоречивостью их основной задачи: построения социализма в крестьянской стране. Но мало было понимать роль науки «в принципе» – не менее важны были личный интерес и инициатива. И, справедливо оценивая Горбунова как, пожалуй, самого влиятельного и эффективного патрона науки в 20-е гг., необходимо признать, что эту роль он взял на себя во многом по собственной инициативе, используя при этом немалые возможности служебного положения. Как отмечал американский историк науки Роберт Колер¹, на ранних этапах развития «Боль-

* Публикация подготовлена при поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, номер гранта: 01/SR/03).

¹ Kohler, R. E. *Partners in Science: Foundations and Natural Scientists, 1900–1945*. Chicago, 1991.

Непременный секретарь АН СССР
академик Николай Петрович Горбунов

шой науки» в XX в. все еще сохранялся персонализированный стиль научного патронажа и меценатства. Любопытно отметить, что, координируя деятельность большого числа научных учреждений и организаций, Горбунов опирался на крайне малочисленный – даже по меркам того времени – штат сотрудников, не превышавший двух-трех человек. Однако система патронажа успешно работала, и во многом – благодаря личному знакомству и постоянным контактам Горбунова с ведущими учеными, а также его интересу к науке и компетентности в целом ряде ее областей.

Практически немедленно после отставки с поста председателя Совнаркома А. И. Рыкова и прихода на эту должность в декабре 1930 г. В. М. Молотова вынужден был уйти и Горбунов, однако он не оставил научно-организационной и собственно исследовательской деятельности, а в 1935 г. был избран членом Академии наук и ее непременным секретарем. При этом Горбунову пришлось заниматься и такими вещами, которые трудно

примирить с его неподдельным интересом к науке: участвовать в исключении из состава Академии «невозвращенцев» В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина², следить за тем, чтобы в научных изданиях не цитировались арестованные ученые³... Все это, однако, не отменило, по-видимому, неизбежной развязки: 19 февраля 1938 г. Горбунов был арестован, а 7 сентября 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда расстрелян. Свидетельства его масштабной деятельности остались в архивах⁴.

Память о Горбунове сохранял все эти годы и его сын – доктор физико-математических наук Андрей Николаевич Горбунов. Он любезно согласился поделиться с читателями ВИЕТ своими воспоминаниями, а также имеющимися у него важными сведениями об отце. Предполагалось, что эти и другие материалы войдут в задуманную им книгу – научную биографию Н. П. Горбунова, однако

² См.: Соловьев Ю. И. Владимир Николаевич Ипатьев и Александр Евгеньевич Чичибабин // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 46–53.

³ См.: Carlson, E. A. Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H. J. Muller. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1981. P. 233–234

⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации, фонд Совнаркома (Р-5446), описи 31 (Управление делами Совнаркома и Совета труда и обороны) и 37 (Отдел научных учреждений Совнаркома). Письма и иные документы по деятельности Горбунова сохранились и в составе личных фондов ряда видных ученых.

в ходе подготовки текста настоящего интервью к печати мы получили печальное известие: 21 марта 2003 г. Андрей Николаевич скончался...

– *Меня всегда интересовала деятельность вашего отца – Николая Петровича Горбунова.*

В какой связи?

– *Николай Петрович очень хорошо, по-моему, понимал сущность того, что позднее станет «Большой наукой». Ведь мало кто создавал в то время необходимость интеграции фундаментальной науки и практических задач.*

Совершенно верно.

– *Обычно говорили, что, мол, есть прикладная наука – пусть она практическими вещами и занимается. И мне, конечно, интересно, откуда это у Николая Петровича было. Оттого ли, например, что он по образованию был химиком, а в химии интеграция эта началась очень рано... Кроме того, мне очень интересна и сама личность вашего отца. С одной стороны, он очень много работал с бумагами, занимался, как сейчас говорят, аппаратной работой, а с другой стороны – по документам видно, что он не был чисто кабинетным работником. Например, его живо интересовали экспедиции, ведь не случайно он так помогал в их организации, он внутренне был во все это вовлечен. И поэтому воспоминания ваши об отце вызывают у меня такой интерес. Ведь биография Н. П. до сих пор не написана? Есть лишь, насколько я знаю, книга «Статьи, воспоминания, документы»⁵, в состав которой вошел и краткий биографический очерк?*

«Статьи, воспоминания, документы» – это книжка, которая вышла при

моем участии. Ну, потом меня сагитировали написать к концу будущего [2003] года книжку у З. К. Соколовской в научно-биографической серии. Это проблематично, успею ли я написать, потому что у меня нет многих необходимых материалов⁶. Я хорошо знаю деятельность Н. П. по Памирским экспедициям, потом работу с Лениным. Кроме того, есть еще большой кусок, связанный с организацией науки, потому что сам он химик по образованию, кончил химическое отделение «Техноложки», Технологического института в Петербурге, но никогда по этой специальности не работал.

– *А как студент он что-то делал в науке?*

Студентом во время Первой мировой войны он занимался вещами, связанными с войной, с ипритными отравлениями. Кроме того, его дипломная работа была посвящена производству цемента. Но она у него пропала во время войны, в 1917 году, когда в Геленджике – рядом с Новороссийском – был разрушен дом его отца, тогда же был убит его младший брат – Андрей. Произошло это, когда в Геленджик – в залив – вошел немецкий крейсер, а дом Горбуновых стоял на берегу...

– *Не могли бы вы подробнее рассказать о семье Н. П.?*

Его отец, Петр Михайлович Горбунов, был директором-распорядителем на Красносельской бумажной фабрике в Красном Селе неподалеку от Петербурга. Он тоже окончил Технологический институт, был инженером-технологом, одним из крупнейших в России

⁵ Подвизина Е. П. Николай Петрович Горбунов // Н. П. Горбунов. Воспоминания, статьи, документы / Отв. ред. Б. В. Левшин, сост.: А. Н. Горбунов, Г. А. Савина и А. П. Трошина. М.: Наука, 1986. С. 3–41.

⁶ А. Н. Горбуновым была опубликована статья: Непременный секретарь Академии. 110 лет со дня рождения Н. П. Горбунова // Вестник Академии наук. 2002. Т. 72. № 8. С. 736–739.

специалистов по бумажному делу. Отец учился в школе, которую Петр Михайлович организовал для детей рабочих при фабрике. Вообще семья большая была: братья, сестры – 12 или 13 человек. Брат отца Андрей был убит в Геленджике, Григорий Петрович жил в Питере, Александр Петрович, инженер, был арестован, потом выпущен и жил в ссылке – где-то в Караганде, кажется. Сестер было много: старшая Елена, а потом целый ряд младших: Вера, Надежда, Галя, Соня и Марина – из тех, кого я знаю.

– *А что потом стало с родителями Н. П.?*

С родителями? Ну, они умерли своей смертью. Мать Н. П. умерла где-то в 32-м году. Отец – позже, уже после того как Н. П. был арестован. Они жили в Москве. У отца была квартира в Леонтьевском переулке, там его и арестовали.

– *Не могли бы вы рассказать о том, как Н. П. начал работать в советском правительстве?*

Ленин привлек его к совместной работе на четвертый день после революции по рекомендации Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, с которым отец познакомился в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями; он вступил в партию в июле 1917 года.

– *Они познакомились с Бонч-Бруевичем в Петрограде?*

Да, они познакомились в Рождественском райкоме. И Н. П. хранил у себя дома оружие, участвовал в митингах. В дальнейшем Н. П., работая личным секретарем Ленина, выполнял не только секретарскую работу, но и, например, доставлял оружие и боеприпасы к месту боевых действий с Красным. Потом советскому правительству нужны были деньги, вы об этом слышали, наверное. Горбунов вместе с матросами отправился в Госбанк, чтобы получить необходимую сумму: 25 миллионов. Он же организовывал вы-

пуск первых советских денег. Участвовал в создании тогдашнего герба России. При этом обсуждались всякие предложения: то ли ставить меч на герб, то ли не ставить – в общем, отец консультировался по этому вопросу с Лениным.

А потом Н. П. понял, что в России необходимо организовывать науку. И по его предложению Совнарком принял декрет об образовании в ВСНХ Научно-технического отдела, в августе 1918 года, кажется, он был создан и с тех пор до середины 1919 года – практически за год – было организовано около 50 научных учреждений⁷, в том числе ЦАГИ, затем Институт рентгенологии и радиологии – из него фактически впоследствии образовался современный Ленинградский физико-технический институт⁸. Кроме того, институт ботанического профиля – [Всесоюзный институт] прикладной ботаники и новых культур [при Совнаркоме СССР].

– *Н. П. был председателем Совета института?*

Да, он был председателем Совета Института прикладной ботаники и новых культур, а когда институт вошел в состав ВАСХНИЛ, то стал вице-президентом Академии. Что касается ЦАГИ, то там до сих пор помнят роль Горбунова в организации этого учреждения. Не далее как в этом [2002] году в Президиуме Академии наук состоялась научная сессия, посвященная

⁷ Согласно подсчетам М. С. Бастраковой, в 1920 г. под началом НТО работало 16 специализированных институтов и лабораторий, 10 из которых были организованы в 1918–1919 гг. См.: Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973. С. 178.

⁸ Государственный рентгенологический и радиологический институт был создан в сентябре 1918 г., а в 1921 г. из него выделился Физико-технический институт под руководством А. Ф. Иоффе.

110-летию Николая Петровича, и директор ЦАГИ рассказывал об участии Горбунова в создании этого института. Между прочим он сказал, что в 2003 году одна из улиц в Жуковском будет названа именем отца. Ну, а его роль в организации ЦАГИ состояла в том, что были противники создания этого института: он требовал много денег, а денег у государства не было. И вот Н. П. раздобыл деньги, которые были нужны для постройки аэродинамической трубы. И когда отмечалось 90-летие Н. П., 20 лет назад, в Доме ученых было торжественное заседание, на котором мне была передана медаль отца – медаль Жуковского, в авиационных кругах она очень ценится как одна из самых почетных.

Ну, а в дальнейшем деятельность Н. П. сложилась так. Началась Гражданская война, он обратился к Ленину с просьбой отпустить его на фронт. Ленин его отпустил, и Н. П. был членом Реввоенсовета сначала 14-й, потом 13-й армии Южного фронта и Второй конной армии. Ну, там он занимался не только политической работой (входил в Политотдел армии), но и участвовал в боевых действиях: выгонял Врангеля сначала в Крым, а потом уже из Крыма. И однажды произошло вот что: был убит знаменосец 5-й кавалерийской дивизии, войска дрогнули, тогда Н. П. поднял знамя – и наступил перелом. И вот за этот личный героизм он был представлен М. В. Фрунзе к награждению орденом Красного Знамени. В то время этот орден был единственным и высшим. Был конец 20-го года, а орден был учрежден годом раньше, и Горбунов получил орден за номером 4274. А потом с ним случилась такая история. У меня есть листочек книжки, в которой Г. М. Кржижановский и В. А. Смольянинов вспоминают о том, что происходило ночью у гроба Ленина в Горках. Смольянинов пишет, что в минуту прощания они втроем (Горбунов,

Кржижановский и Смольянинов) стояли безмолвно у тела Ленина, у гроба, и Николай Петрович отвинтил свой орден и положил на грудь Ленина. Все промолчали, и лишь через некоторое время Г. М. Кржижановский сказал, что Ленину это не нужно.

Потом Смольянинов посадили – кажется, в 1938 году или на год раньше. Он отсидел 14 лет, был в ссылке.

– Он потом сменил Горбунова и был управляющим делами?

Нет, сменил его И. И. Мирошников, а Смольянинов был заместителем Горбунова⁹. Ну вот, Смольянинов все-таки благополучно вернулся. И он спросил, что имел в виду Кржижановский, когда сказал, что «Ленину это не нужно». Кржижановский ответил: нет такой награды, которую можно было бы возложить на грудь Ленина, лучшая награда ему – наши дела, и привел в пример ГОЭЛРО. Вот такая судьба ордена.

Но и тогда не окончилась эта история, продолжение было такое. В 1931 году заместителем народного комиссара по военным и морским делам был С. С. Каменев, и он сказал отцу, мол, негоже тебе, награжденному, ходить без ордена. Ну, ясно, что тот же орден дать было нельзя: он оставался в Мавзолее. И в 1931 году Н. П. был выдан дубликат, который от подлинного ордена отличался только одной деталью: на первом ордене внизу было написано «РСФСР», а на ордене, который отец получил в 1931 году, – уже «СССР».

Потом президент Ельцин издал указ о возвращении орденов семьям репрессированных. Ну, я написал письмо – через месяц мне позвонили и сказали, чтобы я обратился в Моссовет.

⁹ В. А. Смольянинов (1890–1962) – помощник, заместитель управляющего делами Совнаркома и Совета труда и обороны в 1921–1924 гг., в 1924–1927 гг. – управляющий делами Совнаркома РСФСР.

Действительно, мне вручили орден, я посмотрел – у него оказался тот же самый номер, что и в 1931 году. Но отличия были. Раньше ордена привинчивались. И, как я сейчас уже понял, номер не на ордене стоял, а на гайке. Ну, а теперь номер уже был выбит на ордене.

Итак, награжден был Горбунов в декабре 1920 года. И в том же самом декабре Ленин отозвал его с фронта и назначил управляющим делами Совнаркома. И тут у Ленина были разногласия с членами Политбюро по поводу того, кого назначить. Был и другой кандидат на этот пост, также по фамилии Горбунов.

– *Да, Павел Горбунов. А кто он был: однофамилец или родственник?*

Нет, не родственник. Но Ленин просил назначить Николая, переговорил с членами Политбюро, и назначили отца. Причем обязанности управляющего тогда были не такие, как сейчас, отнюдь. Ну, сейчас все понимают, что это что-то хозяйственное: распределение машин, дач... А тогда это был человек, который контролировал работу наркоматов и выполнение наркоматами постановлений Совнаркома¹⁰. Так что деятельность эта в значительной степени была творческой. У меня есть письмо Н. П., написанное моей матерью уже после смерти Ленина. И в этом письме отец говорит, что сейчас деятельность Совнаркома уже не такая, какой была при Ленине. Это было в середине – в конце 20-х годов.

¹⁰ Согласно постановлению от 12.06.1924 г., «Все дела, поступающие на разрешение СНК, СТО или их председателей, а также все протоколы СНК или СТО и принятые декреты и постановления рассматриваются председателем СНК, председателем СТО или заместителем председателя СНК или СТО... по докладом Управделами СНК или Управделами СТО». – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 31 (ОНУ). Д. 44. Ч. 1. Л. 246.

Ну, и в то же время Николай Петрович не бросал своего увлечения наукой и держал в поле зрения вопросы, связанные с организацией науки, с помощью науке. Тогда был создан такой орган – Комиссия по содействию работам Академии наук и Отдел научных учреждений при СНК¹¹. А еще раньше, когда Н. П. был секретарем Ленина, тот поручил ему посетить Академию наук и передать, что Академия может рассчитывать на помощь, представив сведения о предполагаемых экспедициях, изданиях и других начинаниях. Ну, Н. П. посетил тогдашнего неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга и довел до него эту информацию¹².

И вот, Н. П. продолжал курировать работу уже не НТО ВСНХ, а Комиссии и Отдела научных учреждений. В частности, он всегда был в курсе дел Н. И. Вавилова и всячески помогал деятельности его института не только советами, но и более ощутимо: когда Николаю Ивановичу надо было ехать в путешествия, то Н. П. добывал для него деньги, и есть несколько писем Вавилова, в которых он благодарит Н. П.

– *А Николай Петрович продолжал поддерживать отношения с Вавиловым в 30-е годы? Бывал ли Вавилов у Н. П. дома?*

Фактически да. Бывал ли дома, я не помню, мне предстоит это все выяс-

¹¹ Комиссия при Совнаркоме по содействию работам АН СССР под председательством А.С.Енукидзе была создана постановлением Совнаркома СССР от 20 апреля 1926 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 1. Л.38). В качестве рабочего органа Комиссии был образован Отдел научных учреждений Совнаркома, общее руководство которым осуществлял Н. П. Горбунов.

¹² Н. П. Горбунов посетил неперменного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга 9 апреля 1918 г. См. выдержку из протокольной записи Отделения истории и филологии АН от 10 апреля 1918 г. в: Н. П. Горбунов. Воспоминания, статьи, документы... С. 134.

нять, потому что я не знаю эту сторону жизни Н. П. Так складывались обстоятельства.

Н. П. очень хорошо понимал, что у нас плохо с подготовкой научных кадров, что нужно наладить это дело. Это привело к тому, что Н. П. стал ректором МВТУ и работал там шесть лет: с 1923 по 1929 год. Потом он также вернулся к деятельности по своей основной специальности, основал журнал «Успехи химии», это было в 1932 году¹³, как раз 70 лет тому назад. Потом, в 1931–1933 годы, он был заместителем директора Физико-химического института имени Карпова.

– *Это было после ухода из Совнаркома?*

После этого, да. А еще раньше ему было поручено Совнаркомом организовать торжества, связанные с 200-летием Академии наук¹⁴. Это событие отмечалось очень пышно, в частности, было приглашено очень большое число иностранных ученых из разных стран, в том числе довольно большая группа немецких ученых. Среди них были профессор В. Рикмерс (W. Rickmers) и Г. фон Фиккер (H. v. Ficker). Рикмерс – лингвист и путешественник – уже побывал в 1913 году на Памире вместе с Фиккером и Р. Клебелсбергом (R. Klebelsberg) – не на Центральном, а на Западном Памире, и мог оттуда, с хребта Петра Великого, любоваться горными цепями Западного Памира. Он видел там гору высотой 6 – 6,5 тысяч метров, что существенно превышало среднюю высоту, но взой-

ти на нее не смог. И в 1925 году, когда они встретились с Н. П. на праздновании юбилея АН, состоялись переговоры, в ходе которых Рикмерс рассказал о путешествиях по Памиру. Рассказ этот увлек Н. П., и он поставил вопрос о том, чтобы провести в 1928 году первую советско-германскую экспедицию на Памир. Рикмерс эту идею поддерживал, Фиккер тоже, и в течение трех лет велись переговоры у нас в стране и в Берлине. Кончилось тем, что решение было принято, немцы получили аппаратуру, в частности аппаратуру по геодезии. В экспедиции принял участие потомственный геодезист Р. Финстервальдер (R. Finsterwalder), подробную информацию об этом можно найти в книжке о советско-германском сотрудничестве¹⁵. Так вот, в 1928 году было принято решение, что экспедиция состоится. Немцы приехали раньше, кажется, в мае. И раньше уехали на Памир. А наша часть выехала уже где-то в июне-июле¹⁶. Там были назначены точки встречи, в нашей и в немецкой группах было что-то около восьми ученых¹⁷. Принимала участие и груп-

¹⁵ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. Санкт-Петербург, 2001. С. 257–270. См. также: Памирская экспедиция, 1928. Труды экспедиции / Abhandlungen der Pamir-Expedition. Вып. 1–8. 1929–1932.

¹⁶ Группа советских ученых выехала в июне, а группа альпинистов – в июле 1928 г.

¹⁷ Географ профессор Н. Л. Корженевский, метеоролог Среднеазиатского метеорологического института Р. П. Циммерман, астроном Пулковской обсерватории Я. И. Беляев, геолог из АН Д. И. Щербаков, зоолог из Зоологического института АН А. Н. Рейхардт, зоолог Московского зоопарка Г. Н. Соколов; немецкие ученые: зоолог из Института кайзера Вильгельма по изучению мозга В. Рейниг (W. Reinig), геолог Л. Нёт (L. Noeth), научный сотрудник Прусской академии наук лингвист В. Ленц (W. Lentz). Полный список участников, как советских, так и немецких, см. в: Памирская экспедиция, 1928. Труды...

¹³ Первоначально, в 1932–1933 гг. журнал выходил в качестве серии «Г» «Химического журнала».

¹⁴ В 1925 г. активно работала Комиссия по содействию организации 200-летнего юбилея Академии наук, ставшая непосредственной предшественницей образованной в следующем году Комиссии по содействию работам АН СССР и Отдела научных учреждений Совнаркома (см. примеч. 11).

па альпинистов. Причем это были лучшие немецкие и австрийские альпинисты, члены альпенферайнов, отбирались лучшие. А в советской части были и государственные деятели, в частности верховный прокурор РСФСР Н. В. Крыленко, замнаркома статистики О. Ю. Шмидт, член коллегии наркомата Рабоче-крестьянской инспекции и жена Крыленко Е. Ф. Розмирович. Участвовал с нашей стороны и квалифицированный топограф – бывший полковник царской армии [Н. Г.] Дорофеев.

Начавшись в 1928 году, экспедиция продолжалась не один год: сначала она была просто Таджикско-Памирской экспедицией, потом стала Таджикской комплексной экспедицией Академии наук, потом Комплексной Таджикско-Памирской экспедицией. И наконец, уже в конце 30-х годов, стала Среднеазиатской экспедицией, потому что исследовался не только Таджикистан. Но экспедиция 1928 года мне представляется самой значительной: участники ее проникли в крупный район, который был «белым пятном» на географической карте, в неведомую область Танымас. Из киргизского города Ош они вышли по древней памирской тропе, которая впоследствии превратилась в памирский автомобильный тракт. Но тогда – еще до тракта – дорога была уже практически проложена. Далее экспедиция древним караванным путем перевалила через Заалайский хребет, прошла долину озера Каракуль и направилась в ущелье Танымас. Все памирские реки очень бурные, и переходы через них связаны с человеческими потерями. И вот речку Танымас – она течет, петляя, по ущелью Танымас – ее все время надо было переходить, переправляясь с одного берега на другой. Дальше дороги не было: долина Танымас перекрыта огромным ледником, вытекающим с юга из бокового ущелья.

Топограф Дорофеев вместе с двумя

красноармейцами – а красноармейцы участвовали в экспедиции потому, что в тех краях действовали басмачи – первым поднялся на этот ледник и достиг малозаметного ледяного перевала Танымас на высоте 4590 метров. Перед ним открылась потрясающая по красоте картина: огромный неизвестный ледник, имеющий здесь ширину 3,5 километра, сверкал всеми цветами радуги, десятки ледяных вершин высотой более 6000 метров вздымались на фоне иссиня-темного неба. Ничего подобного о таком огромном леднике до тех пор не было известно, и Дорофеев налегке, не имея с собой даже палатки, решил спуститься по леднику вниз, чтобы понять, что это за ледник и куда он выходит.

Он прошел от поворота ледника около 15 километров вниз и увидел, что в него впадает слева еще один ледник, который он узнал по описанию топографа капитана [Н. И.] Косиненко, побывавшего там в 1909 году. Потом в «Трудах Русского географического общества» Косиненко описал, как этот ледник выглядит. Там есть такие характерные моменты, которые ни с чем не спутаешь: на теле ледника – маленькие пятна, и они разного цвета. Дорофеев об этом знал. И поэтому понял, что приточный ледник не что иное, как ледник Бивачный, а большой ледник – это ледник Федченко, открытый В. Ф. Ошаниным еще в 1878 году и названный им по имени русского естествоиспытателя А. П. Федченко, который первым из европейцев посетил Алайскую долину и видел перед собой Заалайский хребет. (Позднее Федченко погиб в Альпах, брошенный во время бури проводниками.) Но Ошанин, двигаясь снизу из долины Муксу, не смог подняться на язык ледника Федченко и поэтому оценил его длину по ходу ущелья всего в 25 километров. Действительно, там трудности огромные: трещины, ямы, бутры. Таким образом,

это было фактически второе открытие ледника Федченко. И Дорофеев понял, что ледник Федченко один из крупнейших. Он потом прошел и верхнюю его часть, составил топографическую карту, и когда карта была расшифрована, то оказалось, что длина ледника 77 километров, что это – крупнейший ледник, один из крупнейших, если не самый крупный ледник мира. И это было одно из важнейших открытий экспедиции 1928 года.

С перевала Танымас участники экспедиции увидели вдаль очень высокую вершину – 7495 метров, которую они позднее назвали пиком Сталина (в 1954 году она была переименована в пик Коммунизма). Среди других открытий экспедиции было открытие хребта Академии наук, где и находится эта высочайшая вершина страны, которую видел Рикмерс еще в 1913 году. А участники экспедиции 1928 года, выйдя на перевал Танымас и на ледник Федченко, увидели эту вершину уже оттуда, и Финстервальдер определил ее высоту: 7 495 метров. Так оно и осталось. Вопрос был только в том, где эта вершина находится. Потому что ее путали с другой вершиной, которая была видна с Западного Памира и которую местные жители называли пиком Гармо. Но высота пика Гармо 6 500 метров, а эта – 7 495. Значит, перед экспедицией встала задача: выяснить, где находится эта вершина.

И вот, это уже позднее, Горбунов и Крыленко решили сделать следующее: Крыленко должен был подняться на северное плечо пика Гармо с запада, а Горбунов с другой стороны, с востока, но тоже на северное плечо. И если они встретятся на плече, то это и есть пик Гармо. А если нет, то, значит, это разные вершины. Так они и сделали, – это уже экспедиция 1932 года. (Нужно сказать, что экспедиции 1929, 1930 и 1931 годов были не очень удачными, потому что басмачи мешали.) Поднявшись на плечо пика Гармо, Крыленко

увидел перед собой плавный спуск к леднику. В то же время Н. П. проник к вершине, двигаясь по леднику Бивачному, и увидел перед собой отвесные скалы. Он пытался подняться вместе с альпинистом Александром Федоровичем Гетье на восточную гряду, но это оказалось очень сложным: там шесть так называемых жандармов – скал, на которые надо подняться: идти в обход нельзя – там круче. Два жандарма преодолели, вышли к третьему, но в это время началась пурга, которая заставила их два дня там просидеть. И только к концу года – 1932-го – Н. П. с Крыленко встретились в Питере, и выяснилось, что вершина в 7495 метров, самая высокая в СССР, обнаруженная Финстервальдером при подъеме на пик Горбунова и принятая им за пик Гармо, оказалась до сих пор никому не известной, вновь открытой вершиной, расположенной в 18 километрах к северу по воздушной линии от пика Гармо.

Во время экспедиции 1933 года правительством была поставлена задача (экспедиция стала тогда уже постоянно действующей) совершить восхождение не со спортивными целями, а для установления на вершине двух автоматических радиопередающих станций. Ну, задача была выполнена, хотя двое участников восхождения при этом погибли: один от сердечной недостаточности, другой сорвался.

Среди географических открытий экспедиции 1928 года нужно назвать открытие высочайших вершин: была обследована вершина, которую участники экспедиции назвали пиком Революции, 6985 метров, пик Парижской коммуны – он пониже, 6 500 метров, и множество вершин-шеститысячников, что значительно выше имеющихся в Европе. И нужно сказать, что не только был открыт крупнейший хребет Академии наук, но и описаны десятки ледников общей длиной свыше 500 километров.

– *Н. П. участвовал в последующих экспедициях?*

Во всех.

– *В 1928 году Н. П. вел во время экспедиции научную работу. Он, в частности, поставил опыты искусственного осеменения курдючных овец спермой убитого архара. Вы об этом знаете?*

Ну, а как же. Я не знаю только самого главного: куда девались эти овцы?

– *Их должны были доставить в Москву, в Государственный институт экспериментальной ветеринарии, в лабораторию профессора И. И. Иванова. Но, насколько я знаю, тогда из этого ничего не получилось. Потом уже ученикам Филипченко, ленинградского генетика, удалось это сделать*¹⁸. *Интересно, что перед своей экспедицией Н. П. даже приезжал в лабораторию И. И. Иванова учиться технике искусственного осеменения.*

Нет, об этом я не знал. Ну, а кроме руководства во время экспедиции 1928 года по просьбе Вавилова отец занимался сбором семян растений, особенно злаков, и делал чучела животных. В частности, Крыленко и Шмидт занимались охотой – на Памире много живности, – и у меня даже есть об этом фильм.

– *Любительский фильм?*

Нет, не любительский, в экспедиции участвовала киногруппа, они сняли полнометражный (!) документальный фильм «Подножие смерти» продолжительностью 45 минут, который у меня есть. [В. А.] Шнейдеров был великий режиссер и путешественник, поэтому получилось здорово. Да, и в этом фильме есть кадры, как Н. П. сидит перед палаткой и препарирует животных. Так что он занимался всякими биологическими вещами, и ему повезло, посчастливилось: он открыл новый

вид березы. Я потом видел эту березу в самых-самых недоступных местах. Это то, что касается научных исследований отца. Последующие экспедиции, как я сказал, были менее удачными, но экспедиция 1932 года была одной из самых крупных, и в ходе ее была составлена очень подробная геологическая карта. В ней опять участвовали Н. П. и геолог, будущий академик Дмитрий Иванович Щербаков.

– *Кроме Памирских экспедиций и экспедиций Н. И. Вавилова, Н. П. Горбунов за время своей работы в Совнарком помог организовать очень большое число и других экспедиций – как в различные регионы Союза, так и за границу. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?*

Мне еще предстоит в этом разбираться. Я только знаю, что, еще будучи в НТО ВСНХ, он организовывал экспедиции в такие районы, как Кара-Богаз-Гол и Курская аномалия.

– *А когда Н. П. познакомился с П. К. Козловым? Я знаю, что в Монголо-Тибетской экспедиции Козлова участвовала сестра Н. П.*¹⁹.

Сестра Елена, да.

– *А что с ней стало потом?*

А потом с ней случилась фантастическая история. Во время экспедиции в Монголию им встретился [Н. К.] Рерих. А Елена была на сносях. Рерих говорит: родится у вас мальчик, назовите его Алдар. Ну и вот, у меня есть двоюродный брат Алдар Петрович – сейчас профессор, доктор географических наук.

– *Потом она вернулась в Москву?*

Она вернулась в Москву, но муж ее был арестован. И Елена Петровна все время жила в Алма-Ате. Материалы,

¹⁸ См.: *Медведев Н. Н.* Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 1978. С. 79.

¹⁹ Подробнее об экспедиции см., в частности: *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) // ВИЕТ. 2001. №2. С. 51–74.

что остались после нее, – фотографии, сведения о семье – Алдар мне передал.

– У Н. П. был интерес к Северу, к полярным экспедициям?

Думаю, что если был, то это от [О. Ю.] Шмидта, они были друзьями. Шмидт был участником Памирской экспедиции 1928 года, и я думаю, что интерес Шмидта к Арктике возник как следствие участия в этой экспедиции.

– Насколько я знаю, Н. П. был избран в Академию наук по кафедре физической географии?

Да, в августе 1935 года Н. П. по инициативе ряда академиков был избран действительным членом Академии и одновременно назначен ее неперменным секретарем²⁰. Н. П. был последним неперменным секретарем, после него эта должность была упразднена. «Неперменный» означало, что без него не мог решаться ни один вопрос.

В 1935–1936 годах начались аресты, и многие товарищи Н. П. по Совнарком и по другой деятельности стали исчезать. Он видел, что исчезают люди, и понимал, что придет и его очередь.

– А он понимал это?

Он понимал, и у меня есть непосредственные тому доказательства. За две недели до ареста он пришел к нам в Козицкий переулок – мои родители развелись, и я жил с матерью – и оставил у мамы завещание, короткое письмо для меня и сестры, в котором призывал нас: что бы с ним ни случилось, быть преданными делу коммунизма²¹.

²⁰ Представление, подписанное академиками А. А. Борисяком, С. А. Зерновым, Э. В. Брицке, А. Н. Бахом, А. А. Байковым, А. Е. Ферсманом, А. А. Рихтером, С. И. Вавиловым, А. Е. Фаворским и А. М. Дебориным, а также отдельное представление от Совета по изучению производительных сил СССР (академики И. М. Губкин, О. Ю. Шмидт и С. Г. Струмилин) опубликованы в: Н. П. Горбунов. Воспоминания, статьи... С. 226–230.

²¹ Текст письма опубликован В. Логуновым, см.: Упадок сердечной деятельности // Московская правда. 7 сентября 1988 г.

– А были ли у отца какие-то недоброжелатели, которые могли быть причастны к его аресту?

Были в Академии наук, я не знаю всех, но одного знаю: это человек, который был управляющим делами Академии. И вот однажды мне звонит товарищ отца и говорит: знаешь, беда, отца арестовали. Отцу инкриминировали при аресте, что он якобы разбазарил вагон сортового зерна.

– И это и был повод для ареста?

Да, а затем появилось обвинение в том, что он – немецкий шпион.

– А кто входил в круг близких друзей вашего отца, с кем были близкие отношения?

Ну, с Дмитрием Ивановичем Щербаковым отношения были очень близкие, совместные публикации у них были. Потом вот Мирошников. [М. С.] Металликов еще.

– Лечсанупр?

Лечсанупр²². Эта троица: Мирошников, Металликов и Горбунов – были самые близкие друзья. И Смольянинов, конечно.

– А Мирошников уцелел?

Нет, он был арестован раньше отца.

– Значит, отец жил отдельно от вас.

Да, и вторая жена его – Маргарита Александровна Смольянинова

– Сестра Смольянинова?

Да, она потом множество раз обращалась в прокуратуру. Ответы ей были такие: проверили, все остается в силе²³. Он, как сообщали, был осужден на 10 лет без права переписки.

– А сейчас вам показали следственное дело?

Да, я смотрел, сейчас смотрю. Мне показали дело реабилитационное.

²² М. С. Металликов (1896–1939) занимал должности лечсанупра Кремля, заместителя главного государственного санитарного инспектора СССР. Арестован 8 июля 1937 года, расстрелян.

²³ См.: Логунов. Упадок...

– *А следственное?*

И следственное. Частично. Я даже ксероксы там получил.

– *И оно представляет интерес с точки зрения каких-то реальных событий, реальных отношений?*

Да, представляет интерес, и вот с какой точки зрения. Там протоколы допросов и подпись после каждого ответа. И видно, что почерк постепенно меняется. Короче говоря, воздействие силовое было очень большое.

– *А что формально вменяли в вину на следствии?*

Вменяли в вину связь с германской разведкой. Потому что он участвовал в советско-германских экспедициях.

– *А что-то в связи с деятельностью в Совнаркоме?*

Ничего.

– *А какие-то фамилии, кроме немецких, там были? Фамилии ученых?*

Фамилия Кржижановского. Причем якобы отец и Кржижановский входили в Академический центр, связанный с германской разведкой. Но Кржижановский уцелел.

Да, за два месяца до ареста отец был исключен из партии. А через месяц – восстановлен. Это его вдохновило, конечно. Потом, после реабилитации, в августе 1954 года, он был восстановлен в партии. И восстановлен в Академии наук. После ареста было постановление Академии, по которому ряд академиков и членов-корреспондентов исключался из ее состава. Постановление об исключении есть в Архиве Академии наук.

– *Вы его видели там?*

Я переписал его. Потом я пытался все-таки установить место гибели Н. П. У меня появилась возможность поехать в Норильск, но там никаких концов не обнаружилось. Тогда я направил послание в Военную коллегию и в конце 80-х годов получил информацию, что отец был расстрелян 7 сентября 1938 года. И я решил написать

некролог, позвонил в «Московскую правду», принес текст, но редактор сказал: это не пойдет. Если бы вот сейчас умер, тогда – да. Идите к главному редактору. Пошел. Он говорит: если вы мне принесете до 7 сентября дополнительные документы, тогда будет не некролог, а статья. Ну, я принес ему эти бумаги, и действительно появилась большая статья Логунова. Потом о Н. П. несколько раз писала Ольга Казанли в «Советской России».

Последнее. Я пытался все-таки узнать, где закончилась его жизнь. И тут разошлись во мнениях. Одни говорят, что был расстрелян на Лубянке.

– *Это ведь Военная коллегия приговорила Н. П. к расстрелу?*

Военная коллегия. Но расстрелы производились в двух местах, вернее – в трех. Во-первых, на Лубянке, в Варсанофьевском переулке: там гараж, и вот в подвалах гаража с 20-х годов проводили расстрелы. Во-вторых, расстреливали на территории бывшей дачи Ягоды – на Коммунарке. И потом, тоже по кольцевой дороге, – в Бутове. Вышла книжка «Расстрельные списки». Там сказано, что на Коммунарке расстреливали элиту – научную, советскую, партийную, всякую. В Бутове – иногородних, очень много расстреливали там священнослужителей²⁴. Был я в Бутове, был и на Коммунарке.

Так что 7 сентября 1938 года отец был приговорен и в тот же день расстрелян, такая была общая «традиция». Логунов считает, что он был расстрелян именно на Лубянке, потому что от здания на Лубянке шел подземный ход, который выходил где-то напротив Феррейновский аптеки. И ночью трупы вывозили оттуда, а не от Лубянки, вывозили в крематорий, ко-

²⁴ О Бутове и Коммунарке см.: *Розинский А. Б.* Послесловие к спискам захороненных в «Коммунарке» <http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm>

торый, кстати, и построен был именно для того, чтобы сжигать трупы расстрелянных, а не обычных трудящихся. На Донском кладбище есть могила невостребованных прахов, куда высыпали прах расстрелянных. И вот, там клумба утыкана вокруг дощечками, есть там и фамилия Горбунова. Потом – Коммунарка. Я обращался в Музей Сахарова, и мне сказали, где эта Коммунарка находится. Поехал по шоссе – шлагбаум. Поднял я шлагбаум. Железные ворота, надпись: «Здесь покоятся жертвы политического террора 1930 – 1950-х гг.». Я прошел внутрь. Действительно, ворота, кучка берез и крест. И дорога дальше идет. Я пошел по дороге. Там строится церковь, каменная. Пока что работает деревянная, и каждый день три раза проходит служба по полному чину. Я отстоял, потом один из служителей церкви провел меня к месту – доподлинно никто не копал там, потому что там озеро, вернее пруд: видимо, земля осела, и вода накопилась, так что там такой пруд. Я посмотрел его, сфотографировал и к кресту деревянному положил надпись: академик Горбунов. И потом я написал письмо [Ю. М.] Лужкову с просьбой разрешить символическое захоронение. Как ни странно, мне очень быстро, через месяц, пришел ответ: приходите, Новодевичье кладбище, «академический» участок – там академики похоронены, в частности академик Флеров, ну, и много известных артистов... А ниша – на третьем этаже, на третьем ярусе, самая дальняя.

– Как складывалась ваша жизнь после ареста отца?

Я тогда мальчиком еще был, когда отец погиб, мне было 16 лет всего. Но пример его перед глазами был: и в то время, и когда я в университет поступал. Я сначала поступал не в университет, а в МАИ, но в МАИ меня не приняли как сына «врага народа».

– А как взяли в университет?

А в университет – запросто, потому – а впрочем, не знаю, потому или не потому – что вмешалась директриса нашей школы: это была 125-я образцовая школа, в которой учились Васька Сталин, Светлана Сталина – в общем, такая школа, и директриса там была депутатом Верховного Совета.

– Во всех документах вы были сыном «врага народа»?

Ну да, сын «врага народа».

– Вас не пытались во что-то «втянуть», спровоцировать, завести против вас какое-то дело?

Нет. Возможно, потому, что я с отцом не жил.

– После того как вы окончили физфак, вы какое-то время работали на Памире...

Я все время работал в Физическом институте [Академии наук]. Ну, а на Памире я экспедиционно работал. Памирские экспедиции, они меня манили давно. Впервые на Памир я попал в 1945 году. Случилось это так. Во время войны я был в армии. И тут в часть, где я служил, пришло предписание из Генерального штаба: Горбунова из части в 24 часа откомандировать.

– Что же это было?

А было это вот что. Американцы сбросили атомную бомбу. [Д. В.] Скобельцын²⁵, который потом был экспертом представительства СССР при ООН по атомной энергии, прекрасно знал все об атомной бомбе, и он поставил вопрос перед правительством о том, что у нас нет ядерных физиков. А еще раньше Скобельцын организовал приказ Генштаба о демобилизации всех физиков старших курсов. А я был на четвертом

²⁵ Д. В. Скобельцын (1892–1962) – член-корреспондент АН-СССР с 1939 г., академик с 1946 г. В 1940–1951 гг. заведовал лабораторией атомного ядра ФИАН, одновременно (1940–1960) – кафедрой атомного ядра в МГУ. В 1946–1948 гг. эксперт представительства СССР в ООН.

курсе. Я был демобилизован и отправлен в распоряжение Московского университета. Пришел к Скобельцыну. Он был очень важный, дворянин, нет, из боярского рода – боярин Скобельцын. Протянул руку – он не жал, а давал подержаться. Ну, хорошо, сказал, надо учиться. И в том же году нас спросили: кто хочет ехать на Памир?

И я пошел к [В. И.] Векслеру²⁶, и Векслер спросил: «А вы паять умеете? Ну ладно, тогда поедem». В первый, 1945-й, год мы жили на Памире в палатках. Фактически первой экспедицией была экспедиция Физического института в 1944 году. А в 1945 году нас приютила на Памире лаборатория ленинградского Ботанического института – БИНа. В 1947–1948 годах усилиями Векслера туда был доставлен батальон пленных немцев, которые занимались строительством²⁷.

– *А почему важно было уметь паять?*

Потому что электронные схемы для экспериментов мы делали сами.

– *Это космические лучи?*

Космические лучи, экспедиция для изучения космических лучей.

А зимой 1947–1948 годов, когда здание было построено, меня назначили начальником первой зимовки. У меня были сотрудники: И. В. Чувило и С. А. Славатинский. А Векслер потом ушел из ФИАНа в Дубну, строил там синхрофазотрон.

Я еще много раз участвовал в экспедициях. Стал просто путешествовать по Памиру. Ну, а по ядерной физике я впоследствии работал в лаборатории Векслера на так называемом «Питомнике».

– *Что это такое?*

Это название символическое. Векслер открыл принцип автофазировки еще в 1944 году. На этом принципе основано действие ускорителя частиц. А лаборатория ускорителей ФИАНа находилась рядом с питомником роз, принадлежавшим Ботаническому саду, скоро оттуда уехавшему. И когда я уже занимался, то здание дрожало, потому что ускоритель – это магнит переменного тока весом 120 тонн. После Памира все это смотрелось как чудо.

Сейчас у меня сын работает в ЦЕРНе – Европейском центре ядерных исследований, готовит фантастический эксперимент по учету нейтрино, нейтрино пройдет путь в 120 километров. Там – колоссальный детектор. Конечно, на нашем ускорителе, на здешнем, это просто смешно. В ЦЕРНе ускоритель – кольцевой магнит периметром 28 км.

– *Ну да, «Большая наука».*

«Большая наука».

– *Насколько я знаю, 7 сентября [2002 г.] прошло заседание, посвященное 110-летию Н. П. Это заседание состоялось в Академии наук?*

Да, это была сессия Отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук. А в июне в Душанбе состоялась научная конференция, посвященная 110-летию академика Горбунова. И тогда я направил письмо Рахмонову с вопросом: не переименовали ли пик Горбунова? (Это вершина высотой 6032 метров на леднике Федченко, напротив метеостанции.) Ответ пришел такой: нет, не переименовали.

– *Большое спасибо, Андрей Николаевич, за то, что нашли время для встречи!*

*Беседа состоялась в Москве
12 сентября 2002 г.*

Предисловие К. О. Россиянова

²⁶ В. И. Векслер (1907–1966) – член-корреспондент АН с 1946 г., академик с 1958 г. С 1931 г. работал в ФИАНе, Д. В. Скобельцыным был привлечен к преподаванию в МГУ, в 1949–1966 гг. заведовал кафедрой ускорителей.

²⁷ Видимо, речь идет о постройке лаборатории. – К. Р.